

Раскопки на стоянке Россонь 9

Стоянка Россонь 9 занимает вытянутую в направлении север-юг песчаную гряду шириной 20–30 м, которая возвышается над окружающими ее пониженными участками на 1–1,5 м и имеет плоскую поверхность. Абсолютная высота около 7,5 м над уровнем моря. Является составляющей цепочки подобных гряд, крайней к востоку от Кудрукюльской палеокосы. Несколько цепочек таких гряд субмеридианальной ориентировки прослеживаются на участке около 1,5 км к северу от Россоны (см. рис. 41–42). По-видимому, они представляют собой осушенные бары — отмели в прибрежной части акватории. К началу III тыс. до н.э. лагуна, отгороженная от моря Кудрукюльской косой, уже отделилась от Балтики [Rosentau et al. 2013: fig. 7], и понижения между грядами были заняты вытянутыми зарастающими озёрками.

Поверхность гряды, на которой расположен памятник, представляет собой ровную площадку с перепадами высот в пределах 0,5 м (отметки около 7,5–8 м). Поверхность покрыта множеством борозд от лесопосадочных работ, перепады высот между дном борозды и поверхностью отвалов из них может достигать 35 см.

Если на момент выявления памятника в 2012 г. растительность на поверхности практически отсутствовала (см. рис. 5–6), то к 2015 г. вся территория бывшего пожара была покрыта молодым березняком высотой до 1,5 м. С разрастанием березняка, вероятно, связано и осушение территории: если до 2013 г. пониженные участки между грядами были заняты зарастающими озёрками, то с 2015 г. они представляют собой заторфованные осушенные ровные участки.

В 2015 г. на памятнике было заложено три траншеи: траншея 1 площадью 8 кв. м, и траншеи 2 и 3 площадью по 6 кв. м (рис. 60). Траншеи расположены так, чтобы проследить особенности распространения культурного слоя в центральной части площади распространения подъёмного материала (траншея 1), на восточном краю гряды ближе к берегу в настоящее время зарастающего водоёма (траншея 2) и на южной периферии памятника (траншея 3). В 2018 г. с целью доследования уходящих за границы траншеи 1 антропогенных земляных структур была вскрыта примыкающая к ней с севера площадь 8 кв. м (траншея 4). Таким образом, общая вскрытая площадь памятника составила 28 кв. м.

Траншеи сориентированы по оси запад — восток, перпендикулярно длинной оси гряды, на которой расположен памятник. Для документирования процесса раскопок использовалась система квадратов размерами 1×1 м. Все измерения, фиксация находок и искусственных структур производились при помощи лазерного тахеометра. Культурный слой разбирался мелким раскопочным инструментом по условным горизонтам мощностью 5–7 см. При возможности проследить поверхность литологического слоя мощность условных горизонтов могла варьироваться. Выявленные земляные структуры раз-

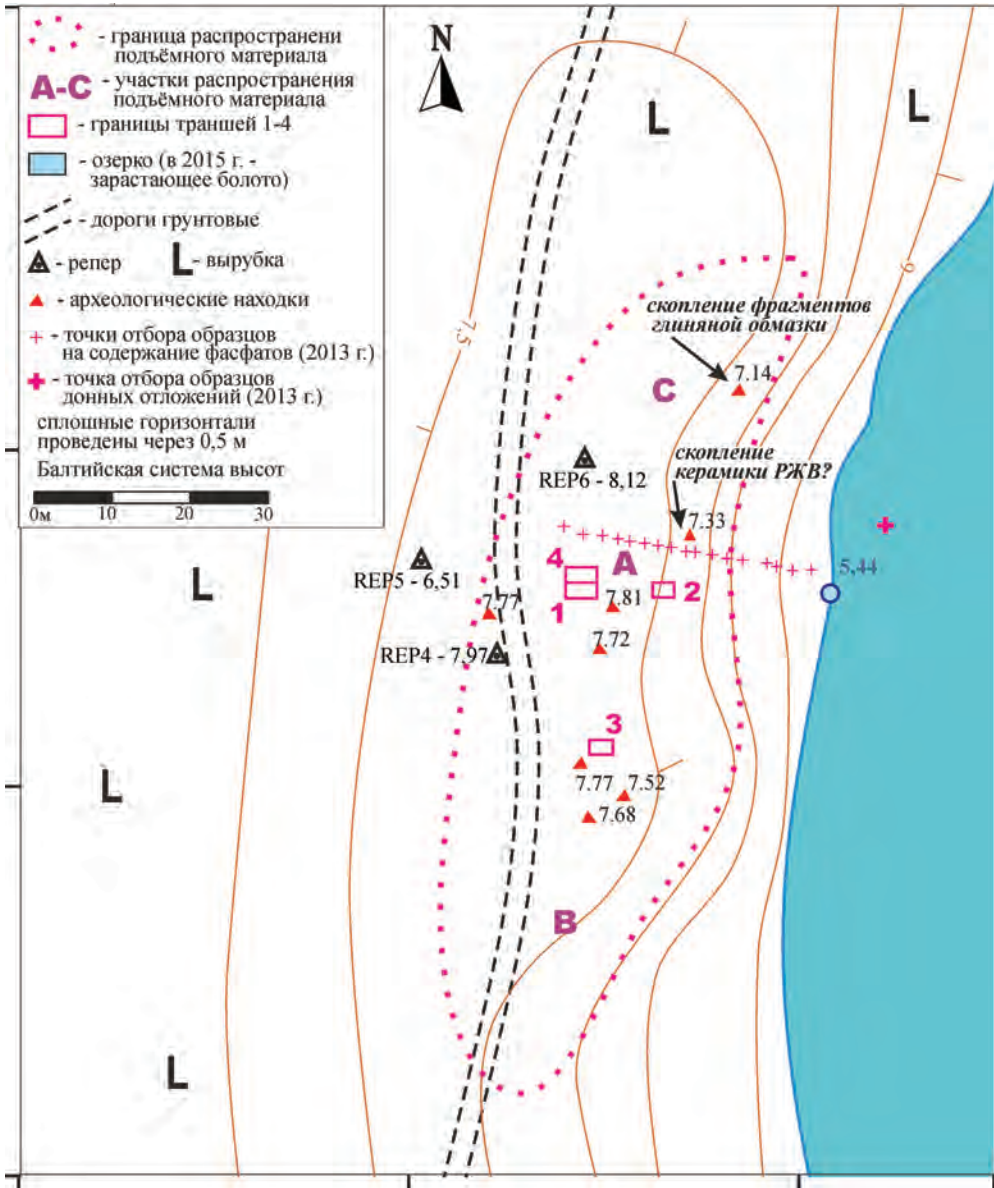

Рис. 60. План стоянки Россошь 9

бирались отдельно с поверхности, на которой их контуры отчётливо фиксировались. Для предотвращения обрушения стенок траншей, заложенных в песчаном грунте, и сохранения пригодных для документирования профилей в пределах размеченных траншей в ходе разборки горизонтов по возможности выдерживался небольшой откос стенок, что сказывалось на постепенном незначительном уменьшении документируемой площади.

Все выявляемые артефакты по возможности фиксировались на месте, кроме того, весь вынутый грунт просеивался по горизонтам по частям квадратов размером примерно 20×20 см через сито с ячейки 3,5 мм.

Во всех траншеях была прослежена схожая стратиграфия (рис. 61–63). Верхний слой мощностью от 10 до 25 см состоит из частично расплывшегося

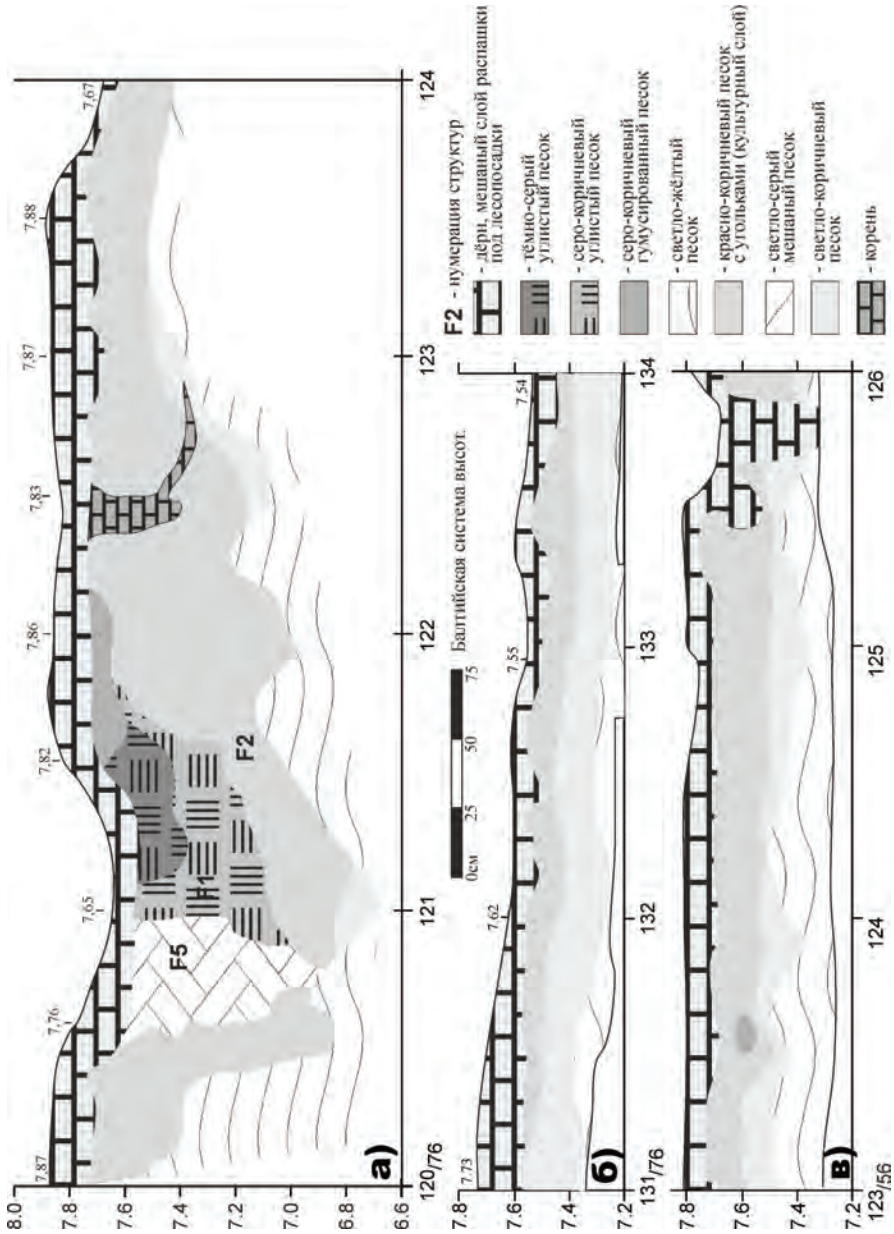

Рис. 61. Россьонь 9. Стратиграфия по разрезам северных стенок траншей 1 (а), 2 (б) и 3 (в)

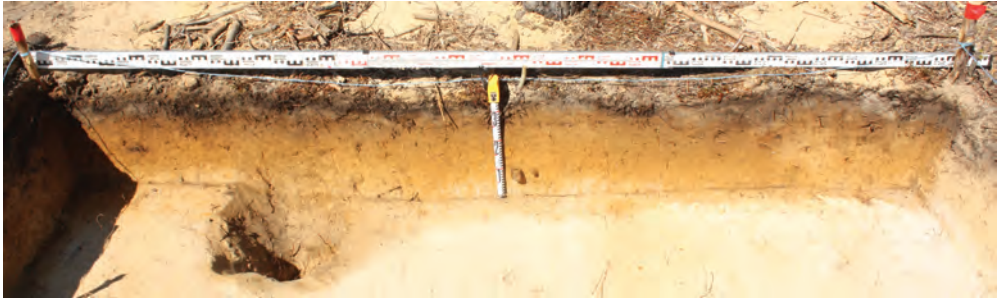

Рис. 62. Россонь 9. 2015 г. Разрез по северной стенке траншеи 2. Вид с юга.
Фотография К. Нордквиста

Рис. 63. Россонь 9. 2015 г. Разрез по восточной стенке траншеи 3. Вид с запада.
Фотография К. Нордквиста

отвала из лесопосадочных борозд, перемешанного с древесными остатками, и с линзами местами сохранившегося погребённого дёрна.

Ниже залегает красно-коричневый песок с золой и угольками, содержащий археологический материал — культурный слой. Мощность слоя колеблется от 10 до 30–35 см. В траншеях 2 и 3 нижняя часть культурного слоя значительно менее насыщена золой и угольками, имеет менее интенсивный окрас и в разрезах достаточно отчётливо прослеживается как отдельный литологический слой мощностью 10–20 см, хотя граница между этими двумя слоями нечёткая. Насыщенность верхней части культурного слоя по всей площади золой и угольками может быть связана с недавними мощными лесными пожарами. Подстиляется культурный слой слоистым светло-жёлтым сортированным мелкозер-

нистым песком. В контрольных прокопах этот слой прослеживается на 20–30 см и ниже переходит в серые слоистые пески с прослоями супесей и крупнозернистого гравелистого песка.

Наибольшая мощность культурного слоя — до 35 см — фиксируется в траншеях 1 и 4, здесь же выявлен ряд антропогенных земляных структур нескольких генераций. Ранняя генерация связана со временем функционирования стоянки. Это структуры F2–F4 и F6 (рис. 64–65). Они впущены в подстилающий культурный слой археологически стерильный слоистый светло-жёлтый песок, заполнение схоже с культурным слоем, отличается большей насыщенностью углями и золой, кальцинированными костями, повышенной концентрацией археологических находок (в первую очередь керамической крошки).

Планиграфическое распределение находок в траншеях 1 и 4 в культурном слое выше уровня, с которого проявились антропогенные структуры ранней генерации (F2–F4 и F6), указывает на наличие концентрации в центральной и восточной частях раскопанной площади (рис. 64–67). В северо-западной части вскрытой траншеями 1 и 4 площади культурный слой нарушен структурой F5, что сказалось и на распределении находок. Можно предположить, что концентрация соответствует некому сооружению подпрямоугольной формы размерами $>4,8 \times 3,5$ м, ориентированному по оси юго-восток — северо-запад, южный и восточный углы уходят в стенки траншей.

Структура F2 имеет прослеженные в основании культурного слоя на отметках около 7,4 м размеры $2,8 \times 2,4$ м по осям юго-восток — северо-запад и заглублена в материк до 0,5 м, до отметки 6,94 м. Заполнение сходно по составу с культурным слоем, прослеженным по площади всего поселения, — красно-коричневый песок, насыщенный артефактами и угольками. В заполнении структуры отмечены мелкие фрагменты обожжённых камней. Структура разбиралась условными горизонтами по 5 см. Различий в заполнении по глубине не наблюдалось, артефакты распределены равномерно, хотя в самом низу заполнения их количество сократилось. На отметках 7,1–7,2 м было расчищено скопление керамики.

В плане по основанию культурного слоя структура F2 имеет форму полумесяца. В северо-западной части структуры F2 заполнение из красно-коричневого песка частично перекрывается и замещается светло-серым мешаным песком, практически не содержащим находок — структура F5. Белый песок в квадратах 76/120–121 читался уже по дну лесопосадочной борозды с отметок около 7,5 м. Затем по мере разборки культурного слоя вплоть до его основания пятно белого песка занимало всё бóльшую площадь, сливаясь по краям по цвету с материком. В разрезах линза мешаного песка прослеживается на глубину более полуметра от основания культурного слоя, до отметок 6,7–6,8 м. Она уходит в северо-западный угол траншеи 4.

Линза мешаного песка, составляющая структуру F5, могла образоваться в результате оползания котлована структуры F2. Однако в границах, соответствующ-

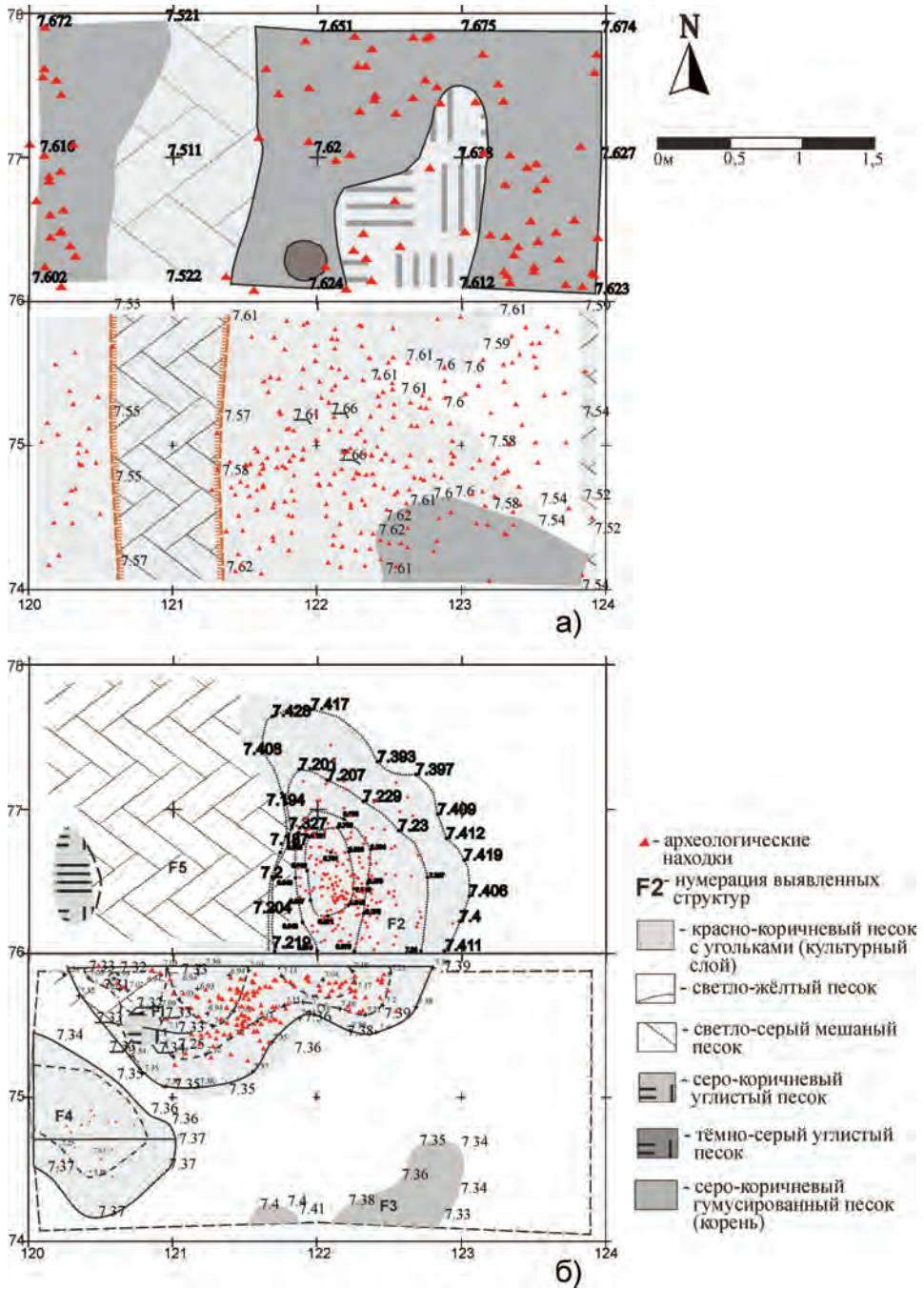

Рис. 64. Россонь 9. Планы траншеи 1: а) горизонты 2–3; б) поверхность материка и разобранные структуры

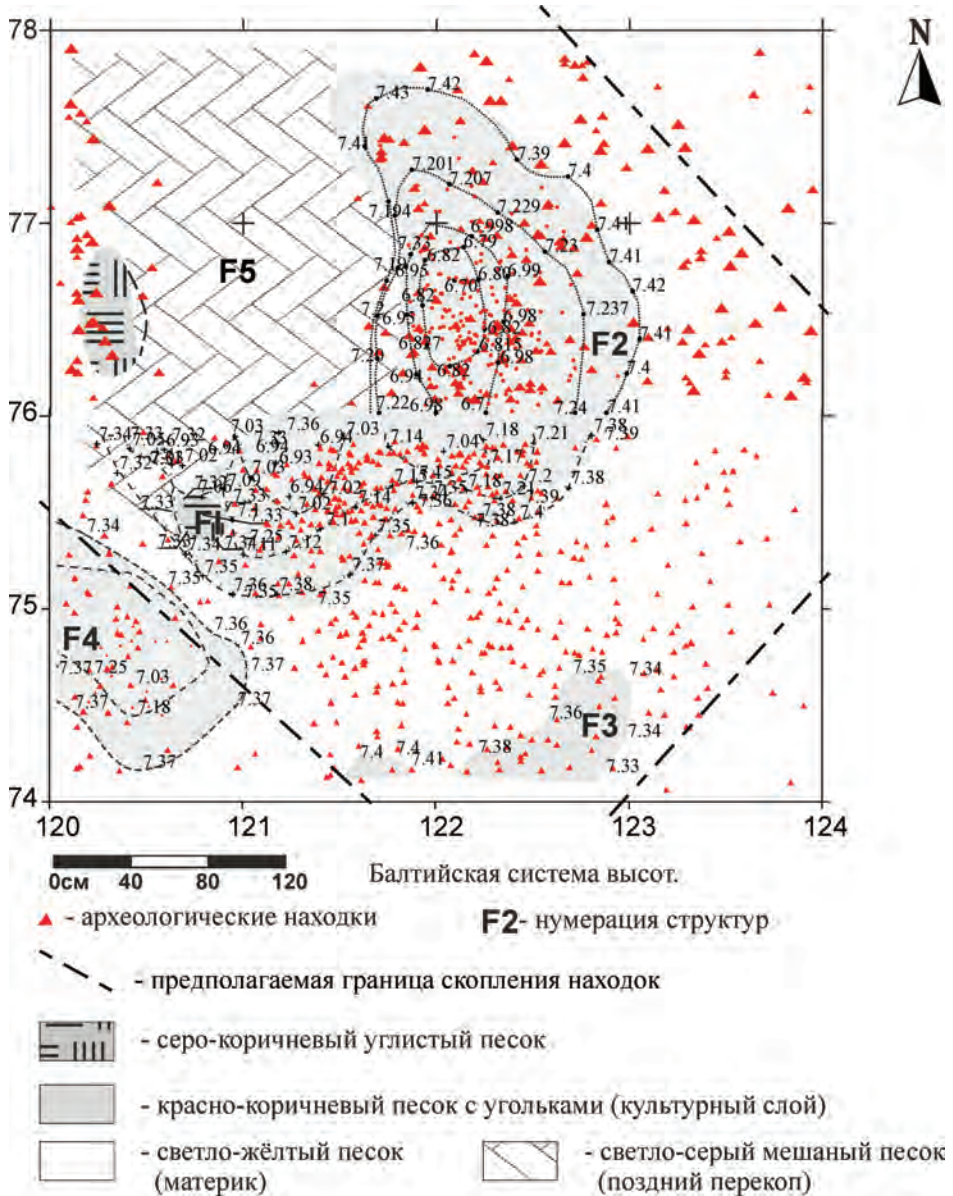

Рис. 65. Россошь 9. План основания культурного слоя в траншеях 1 и 4 и археологических находок по всем горизонтам

щих границам структуры F5, находки отсутствуют с самых верхних горизонтов. Это может объясняться тем, что структура F5 является заполнением ямы, вырытой значительно позже завершения функционирования стоянки. В пользу этого свидетельствует и угол, близкий к прямому, под которым заполнения структур F2 и F5 смыкаются в плане.

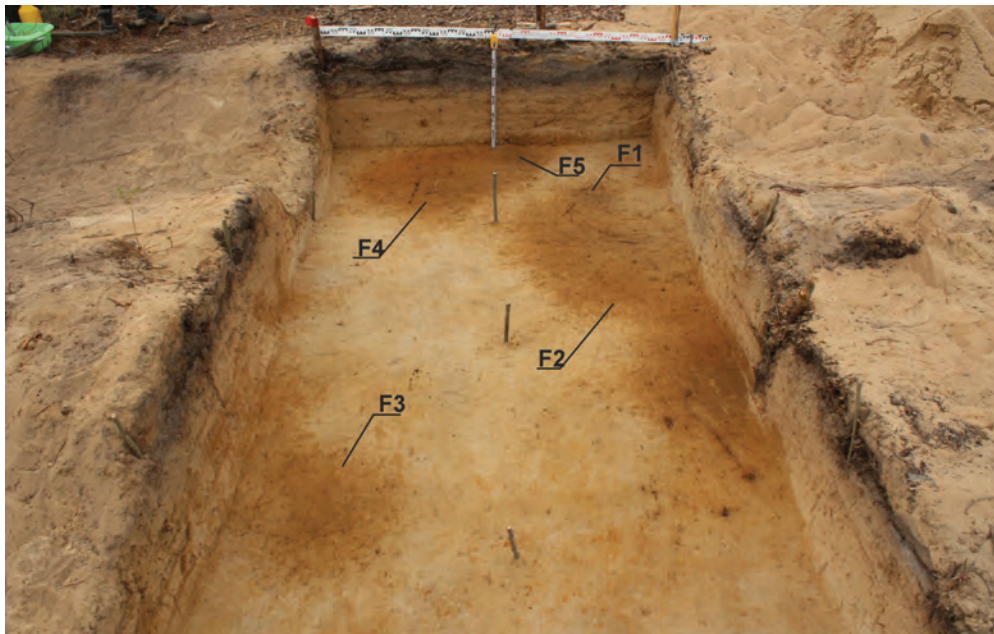

Рис. 66. Россонь 9. Траншея 1. Структуры F1–F5 в основании горизонта 7. Вид с востока. Фотография К. Нордквиста

Рис. 67. Россонь 9. 2015 г. Траншея 1. Разборка структур на материке: структура F3 разобрана полностью, структура F2 — до основания горизонта 3, структура F5 — наполовину. Вид с востока. Фотография К. Нордквиста

Рис. 68. Россонь 9. 2015 г. Траншея 1. Западная стенка. Разрез структуры F4. Вид с востока.
Фотография К. Нордквиста

Структура F3 подовальной формы размером 50×40 см уходит в южную стенку траншеи 1. Она заглублена в материк на 8–10 см, в заполнении найден лишь 1 фрагмент керамики.

Структура F4 зафиксирована вдоль западной стенки траншеи 1 (рис. 68), под которую уходит её часть. Имеет подпрямоугольную форму размерами 80×50 см, ориентирована в направлении юго-восток — северо-запад. Она является остатками котлована с крутыми стенками и плоским дном глубиной около 50 см от поверхности слоя светло-жёлтого песка — отметки дна около 6,9 м. Заполнение структуры гомогенно — красно-коричневый песок с угольками. В структуре обнаружено несколько фрагментов керамики, преимущественно в верхней части заполнения.

Структура F6 в юго-западном углу траншеи 4 проявилась в нижней части культурного слоя на уровне около 7,5 м в виде небольшого пятна красно-коричневого песка с угольками (рис. 65–67). Пятно ямы вытянуто в плане по линии север — юг, края уходят в западную и южную стенки. Яма разбиралась четырьмя горизонтами. На уровне первых двух горизонтов заполнение ямы было сходно с культурным слоем, имело насыщенный красно-коричневый цвет и включения угольков. По заполнению яма резко отличалась от вмещающего ее мешаного белесого песка, края ямы уходили вертикально вниз. В верхней части заполнения встречено много мелких фрагментов шнуровой керамики, прослежено небольшое скопление. В нижней части заполнение структуры F6 уходит

под заполнение структуры F5. В западной части ямы на этом уровне проявился светло-желтый материковый песок, а в восточной части обнаружена крупная галька со следами пребывания в огне и сколотый с неё отщеп. Ниже гальки края ямы плавно сужаются, завершившись воронкообразным углублением до отметки 6,9 м.

Концентрация находок в культурном слое перекрывает сохранившуюся часть структуры F2, но значительно больше её по площади (рис. 64–67). Невозможно с уверенностью определить, была ли концентрация находок связана с котлованом структуры F2. Примеры, когда структуры, ассоциируемые с остатками жилищ, включают большие ямы в центральной части, имеются и для памятников КШК (см., например: [Larsson 2009a]), и для памятников других культур с близлежащих территорий, например на поселении с комплексом гребенчато-ямочной керамики Ягала Йыэсуу V в Эстонии. Но возможно, что концентрация находок и структура F2 сформировались одновременно — тогда вероятно, что структуры F2 и F3 старше концентрации находок.

Структура F4 — заполнение ямы с крутыми стенками глубиной около 0,5 м — примыкает вплотную к юго-западной границе концентрации находок. Маловероятно, что структура F4 и концентрация находок могли сформироваться одновременно, но последовательность их формирования неясна.

Структуры F3 и F6 могли формироваться одновременно как со структурой F2, так и со структурой F4. «Стенка» из светло-жёлтого песка между структурами F2 и F4 имеет толщину лишь около 20 см, поэтому котлованы не могли стоять открытыми одновременно. Структура F5, вероятно, сформировалась на месте более позднего котлована, частично разрушившего структуры F2 и F6. В верхней части культурный слой содержит линзы углистого песка, иногда заглублённые в верхнюю часть заполнения описанных структур — вероятно, следы кострищ относительно недавнего времени и выгоревших корней деревьев.

В траншее 2 было расчищено скопление из 16 камней размерами в среднем 10×10 см, некоторые крупнее (рис. 69–70). Культурный слой в скоплении ничем не отличался от окружающих участков, на камнях нет признаков пребывания в огне. Камни, несомненно, были сложены здесь человеком, но скопление не является очагом.

В траншее 3 (рис. 71) у восточной стенки расчищен развал керамики. В профиле восточной стенки рядом с развалом прослежен профиль ямы, заглублённой в материк на 10–15 см. Заполнение ямы не отличается от культурного слоя, не имеет чёткого контакта с вмещающим слоем, края весьма пологие. В плане эта структура не была выявлена. Не исключено, что развал фрагментов сосуда связан с этой структурой. Иных отчётливых антропогенных структур в траншеях 2 и 3 выявлено не было.

Археологические находки на памятнике в подавляющем числе представлены фрагментами керамики. В основном они относятся к традиции КШК, также есть фрагменты гребенчато-ямочной керамики с минеральной и органической

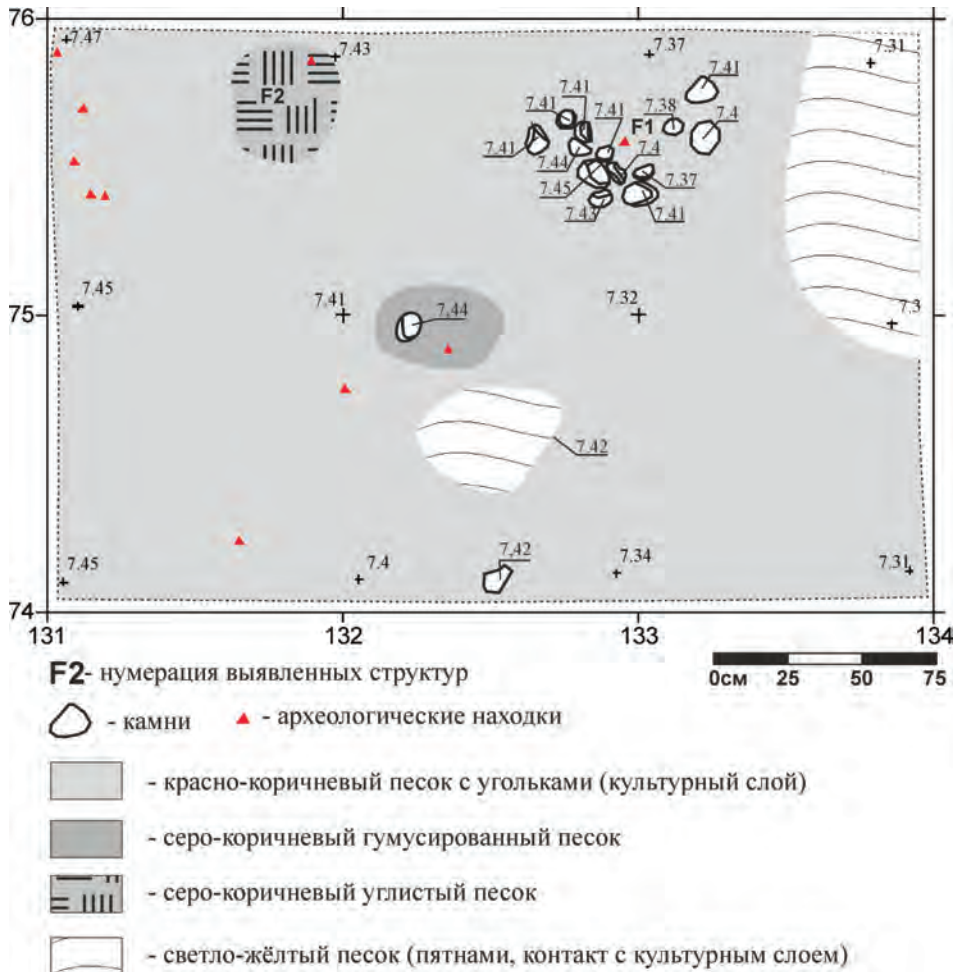

Рис. 69. Россонь 9. Траншея 2. План горизонта 3.
Нивелировочные отметки основания горизонта

примесью и фрагменты глиняной посуды и печной обмазки (?), которые предположительно можно отнести к раннему железному веку (РЖВ) или средневековью. Керамика РЖВ (раннесредневековая?) представлена мелкими фрагментами (крошкой). Их скопление найдено за пределами траншей, в лесопосадочной борозде (рис. 60). Также за пределами траншей в борозде было найдено скопление фрагментов глиняной (печной?) обмазки (рис. 60).

Распределение фрагментов разных типов керамики по траншеям представлено в таблице 1.

Гребенчато-ямочная керамика (рис. 72) представлена фрагментами не менее чем четырёх сосудов. Три из них имеют минеральную примесь (дресву гранито-гнейсовых пород). По внешней поверхности нанесен орнамент из ямок

Таблица 1

Распределение фрагментов керамики разной культурной принадлежности по траншеям

	Траншея 1	Траншея 4	Траншея 2	Траншея 3	Подъ- емный материал	Всего
Гребенчато-ямочная	2	6	2	13	4	27
Шнуровая	2258	687	14	660	109	3728
РЖВ (средневековье?)	—		—	—	402	402
Всего	2260	693	16	673	515	4157

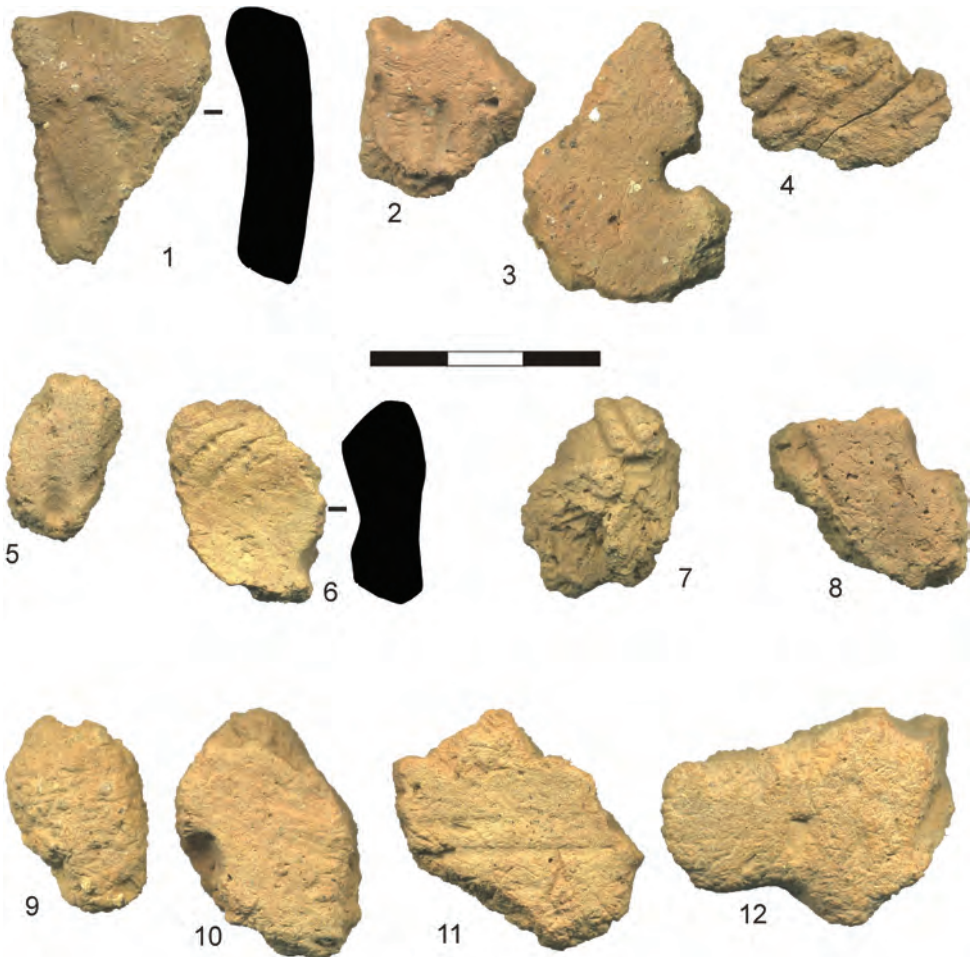

Рис. 72. Росось 9. Гребенчато-ямочная керамика: 1–5 — условный сосуд 1; 6–8 — условный сосуд 2; 9–11 — условный сосуд 3; 9–12 — условный сосуд 3

и отпечатков гладкого и гребенчатого штампов. Сохранился фрагмент единственного скругленного гофрированного венчика. Четвертый сосуд имеет комбинированную примесь дробленой раковины и птичьего пера и украшен отпечатками гребенчатого штампа и ямками.

Из почти трёх с половиной тысяч фрагментов шнуровой керамики большинство (3426 фрагментов) является «керамической крошкой». Их размер не превышает 1–1,5 см, а следы орнамента отсутствуют. Оставшиеся 283 фрагмента представляют не менее пяти сосудов.

К первому сосуду (рис. 73–77) с уверенностью можно отнести фрагменты венчика (рис. 73: 1, 3–4). Возможно, к тому же или схожим сосудам относятся фрагменты стенок (рис. 73: 2, 5, 9) и донца (донцев?) (рис. 77: 6–8). Эти фрагменты имеют схожие структуру, состав примесей, толщину (с учётом расслаивания). Предположительно, все они могут относиться к одному сосуду. В этом случае он представлен фрагментами всех основных частей сосуда: венчика, тулова и донца. Сохранность черепков, высокая степень их фрагментарности и окатанности не позволяют реконструировать сосуд полностью, однако некоторые выводы о его форме и орнаментации сделать все же возможно. Сосуд имеет комбинированную примесь с минеральными (шамот) и органическими (птичий пух или шерсть) компонентами. На изломах зафиксированы отличающиеся по цвету светлые комочки неправильной остроугольной формы размером до 1–3 мм, вероятно калиброванная мелко дробленая керамика (шамот). Птичий пух или шерсть фиксируется в виде пор продольных удлинённых очертаний, округлых в сечении, с диаметром около 0,5–1 мм. В изломах черепков видно, что такие включения образуют скопления, иногда сходятся в одной точке.

Судя по изломам фрагментов, сосуд, вероятно, лепился с донца — плоской «лепешки» толщиной до 1–1,5 см и диаметром около 15 см. К донцу крепилась нижняя часть стенок, так, что снаружи оставался небольшой выступ. Само донце имеет слегка вогнутые очертания — сосуд мог иметь небольшой «поддон». Если оно было вылеплено, по-видимому, из единого куска глины, то остальная часть сосуда изготовлена в лоскутной технике. На это указывают специфическая форма сломов, а также расслаивание большинства черепков (больше половины фрагментов не имеет одной или обеих поверхностей). Рассматриваемый вариант лоскутной техники также, вероятно, подразумевал двуслойность стенок, что находит определённые параллели в технологии конструирования фатьяновской керамики [Волкова 1996: 48–56]. При этом верхняя часть венчика могла быть вылеплена из единого жгута, на что указывают размер фрагментов и конфигурация сломов, что также характерно, к примеру, для фатьяновской керамики и шнуровой керамики Швеции [Волкова 1996: 52; Larsson 2009b: 242].

Толщина стенок составляет в среднем около 1 см. Край венчика слегка утолщен и скошен внутрь. В целом сосуд имеет форму, близкую к баночной, нет ярко выраженной профилировки стенок, шейка выделена слабо. На основании сохранившейся части определен примерный диаметр сосуда по срезу венчика — около 40 см.

Рис. 73. Россонь 9. Шнуровая керамика, условный сосуд 1

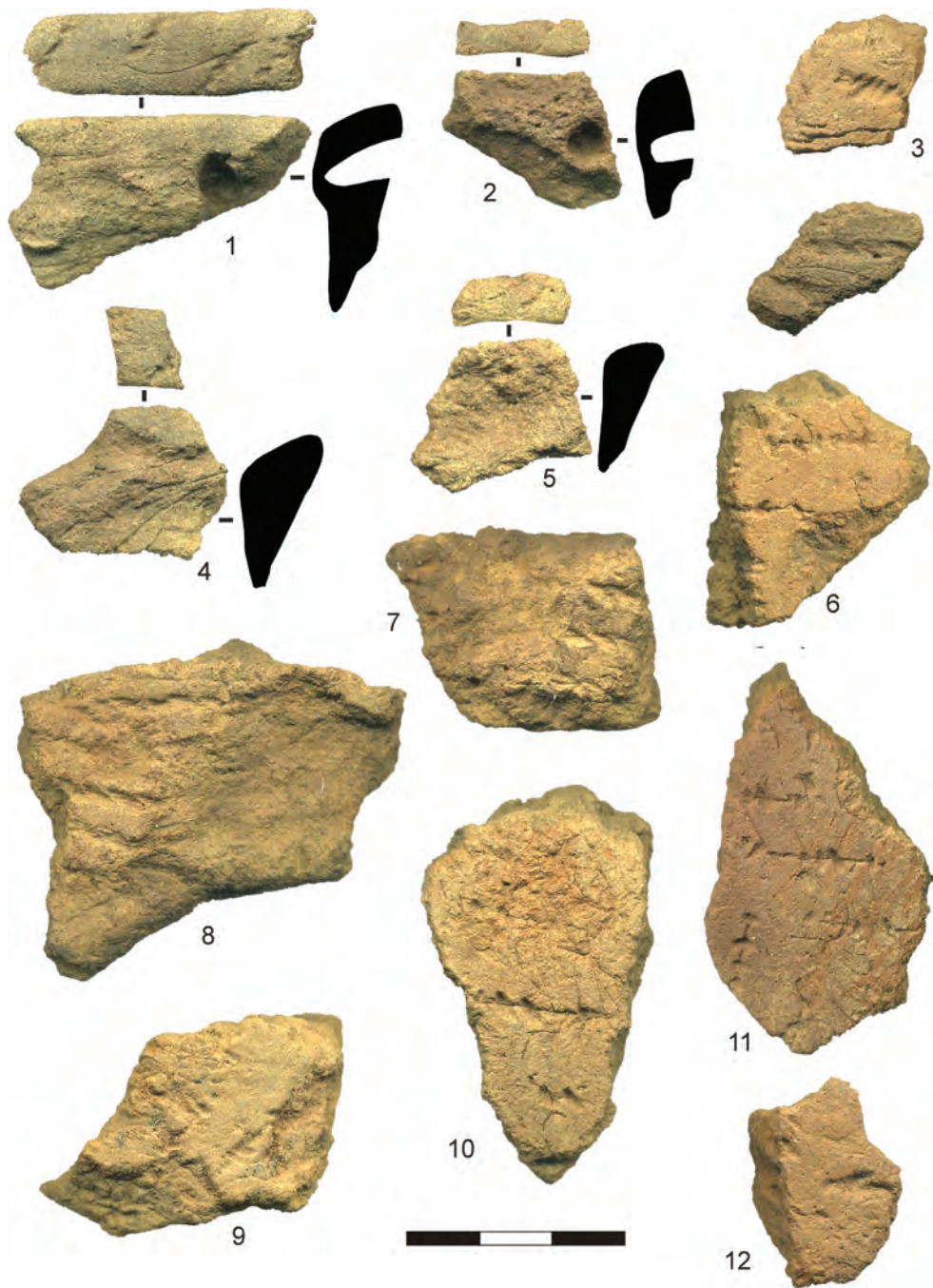

Рис. 74. Россонь 9. Шнуровая керамика, условный сосуд 1

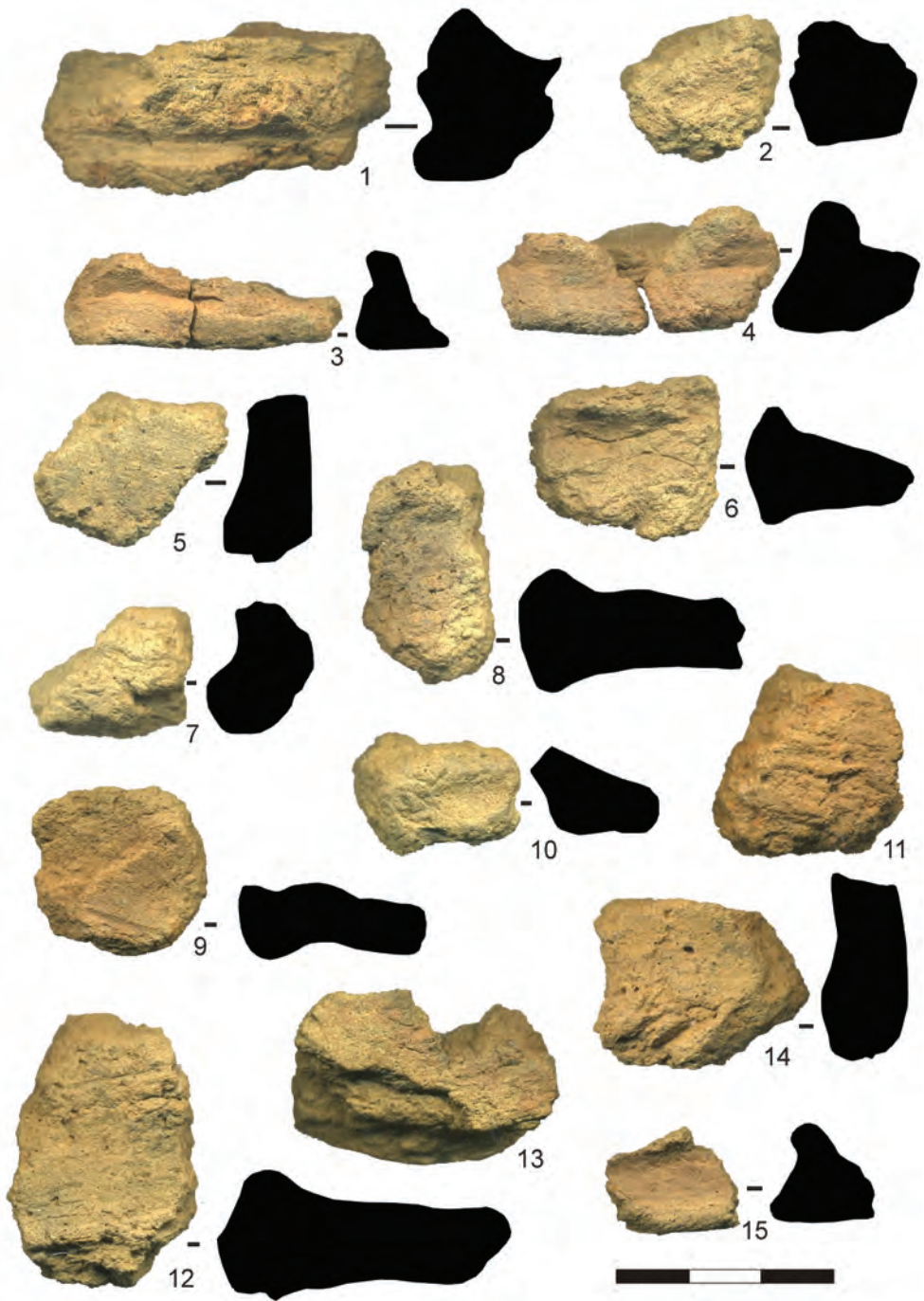

Рис. 75. Россонь 9. Шнуровая керамика, условный сосуд 1

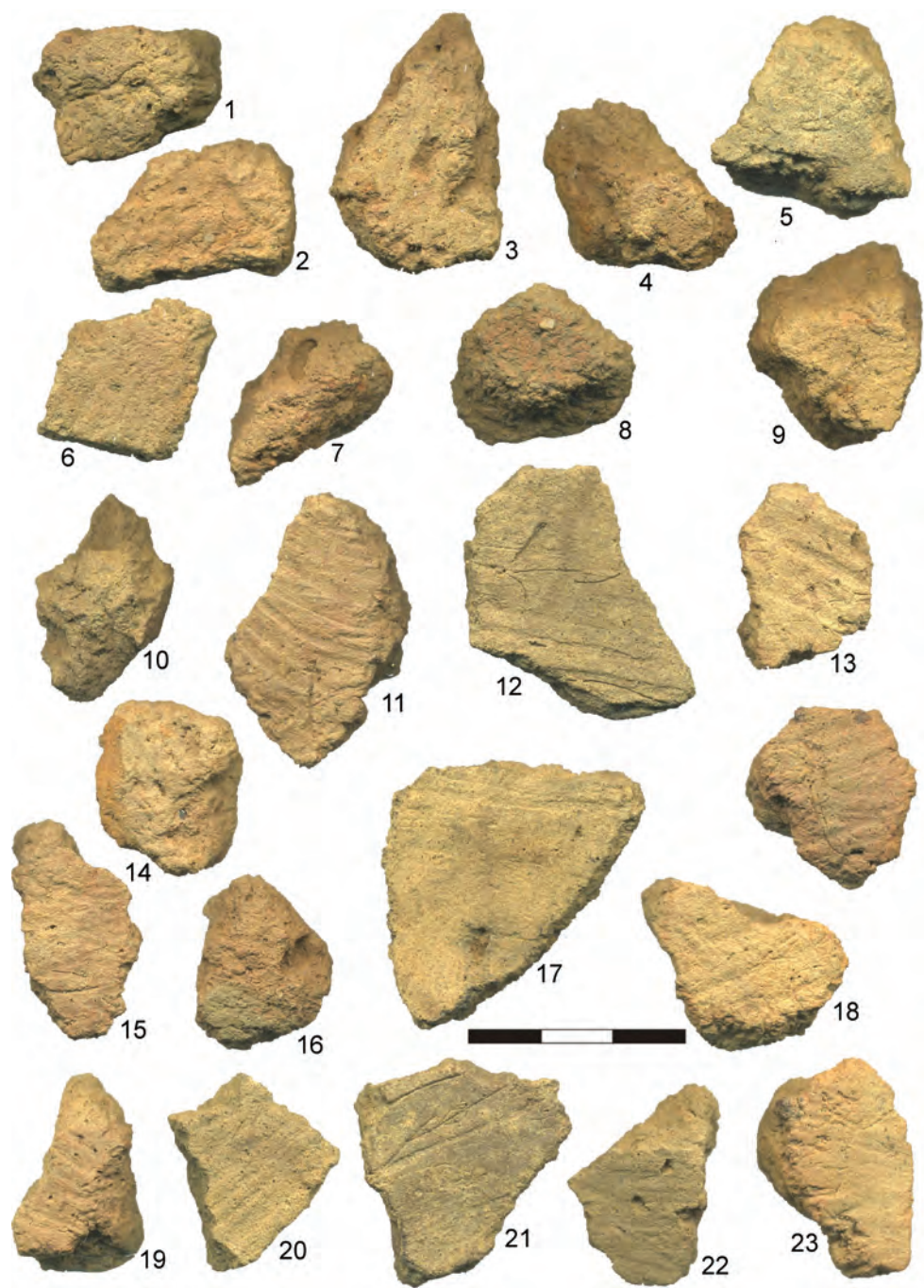

Рис. 76. Россошь 9. Шнуровая керамика, условный сосуд 1

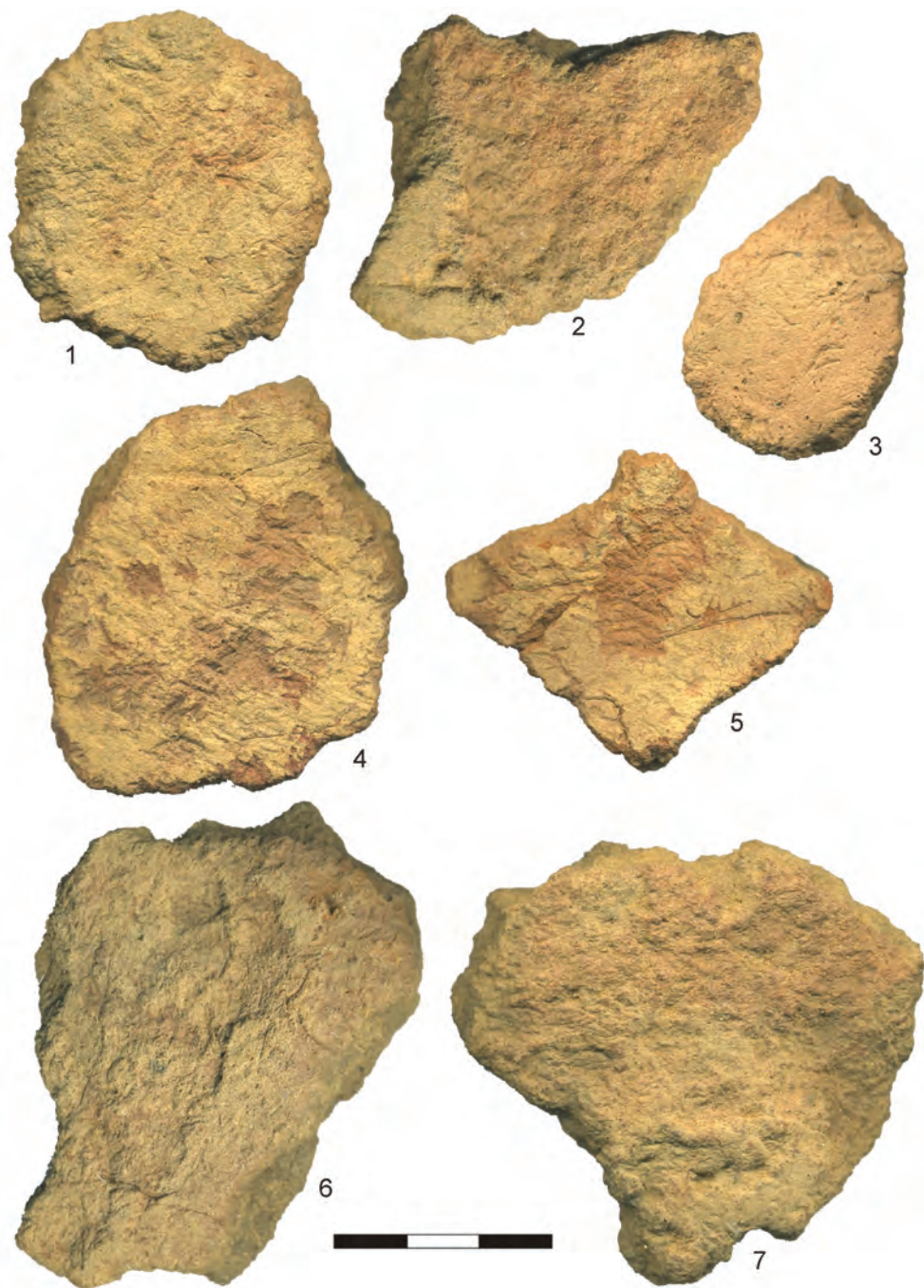

Рис. 77. Россонь 9. Шнуровая керамика, условный сосуд 1, фрагменты донца

На донце и в верхней части на внутренней поверхности сосуда видны неглубокие горизонтальные расчесы, выполненные инструментом с прямым заостренным концом (рис. 73: 9). Срез венчика украшен наклонными шнуровыми оттисками (рис. 73: 1). Под венчиком нанесены ряд глубоких плоскодонных ямок и по крайней мере шесть параллельных волнистых линий из отпечатков шнура с S-плетением.

Фрагменты второго выделяемого сосуда (рис. 78: 1–5) происходят из развала в траншее 3. Сосуд также имеет примесь шамота, но в сочетании не с птичьим пухом или шерстью, а с неопределимой сильно измельченной органикой. Все фрагменты относятся к верхней части сосуда. Стенки уплотнены, поэтому способ конструирования определить затруднительно. Толщина стенок составляет 1,1–1,5 см. Примерный диаметр сосуда по срезу венчика составляет около 30 см. Сосуд имеет слабо выделенную короткую шейку. Венчик немного отогнут наружу и оформлен пальцевыми защипами. Под венчиком имеется небольшой валик, украшенный такими же защипами.

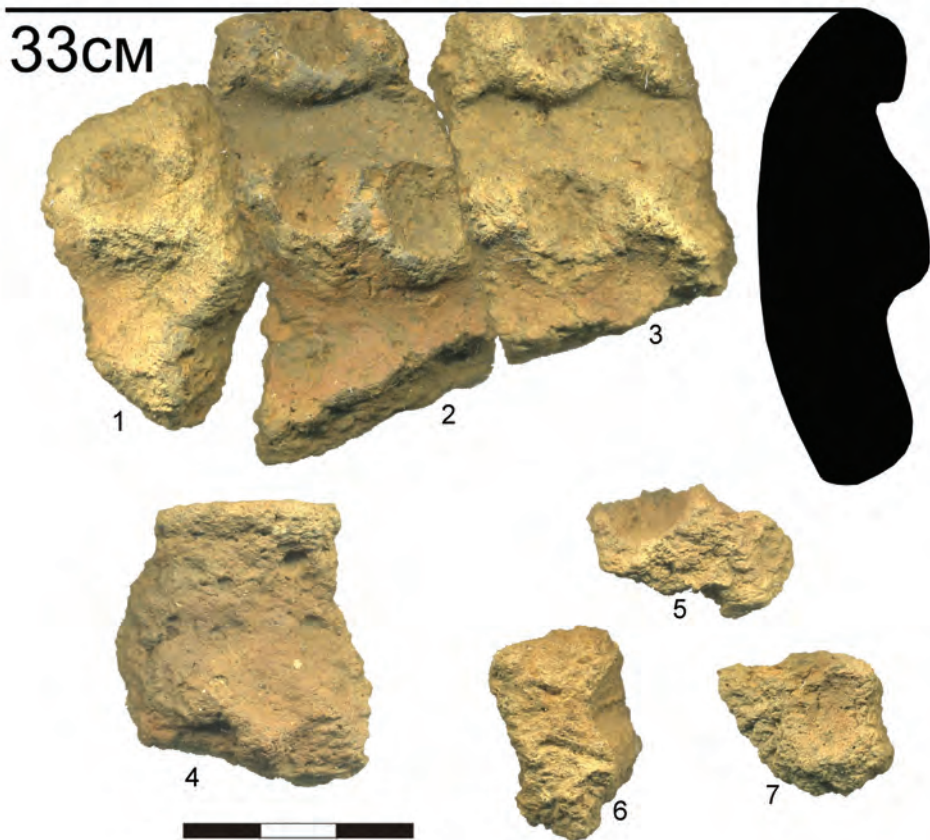

Рис. 78. Россошь 9. Шнуровая керамика, условный сосуд 2

Описанный сосуд имеет многочисленные аналогии в Восточной и Центральной Европе, в Фенноскандии и относится к типу широкогорлых сосудов с налепными валиками КШК [Ванкина 1980: 53; Зальцман 2010: 20, рис. 126, 259–262; Лакиза 2008: 393, рис. 2; Buchvaldek 1986: 145, Z. 10; Edgren 1970: 74, 76, 89; Kryvaltsevich, Kalechyts 2000: 170, fig. 4; Larsson 2009b: 145, fig. 5.12; Rimantene 1980: pie. 49; Rimantene 1989: 130–131, pie. 83–84]. Это крупные толстостенные сосуды, встречающиеся, как правило, в поселенческих контекстах [Nordqvist, Näkälä 2014; Nordqvist 2016].

Ещё два фрагмента стенки и донца (рис. 78: 9–10) по структуре и примеси схожи с третьим сосудом, хотя их связь с ним неочевидна и они могут представлять части других схожих сосудов.

Отдельно следует отметить фрагмент тулова с примесью шамота и пуха или шерсти толщиной около 1 см с орнаментом, напоминающим короткие шнуровые оттиски, нанесенные «елочкой» (рис. 79: 10). Этот фрагмент имеет более плотную структуру и более гладкую поверхность. Очевидно, он представляет отдельный сосуд 4 (рис. 79).

Выделяется группа фрагментов стенок толщиной около 1 см с примесью шамота и неопределимой измельчённой органики, отличающейся от примеси второго сосуда более крупной фракцией (рис. 79: 6). Орнамент отсутствует. Эти фрагменты происходят также преимущественно из траншеи 3 и могут относиться к одному или нескольким похожим сосудам.

Также выделяются два неорнаментированных фрагмента стенок толщиной 5–6 мм с примесью очень мелкого песка и сильно измельченной органики (рис. 79: 7–8). Эти фрагменты могут являться фрагментами кубка КШК.

Широкогорлый сосуд с налепным валиком и кубок КШК представляют формы, широко распространённые территориально и хронологически в Европе и характеризующиеся высокой степенью стандартизации как морфологии, так и технологии изготовления. В то же время первый описанный сосуд и ещё ряд схожих фрагментов обнаруживают сходство с пористой гребенчато-ямочной керамикой. Они выделяются обильной примесью птичьего пуха, широким горлом, слегка утолщенным и срезанным внутрь венчиком, а главное — орнаментацией, включающей в себя, помимо традиционных для многих локальных КШК оттисков шнура, также крупные цилиндрические ямки.

Наклонные короткие шнуровые отпечатки по срезу венчика напоминают оформление венчиков гребенчато-ямочной керамики. Эти признаки характерны для эстонского варианта шнуровой керамики [Kriiska 2000: 64–70; Nordqvist 2016; Крийска и др. 2017], сочетающего признаки как пришедшей шнуровой, так и местной гребенчато-ямочной традиции.

Каменный инвентарь с поселения значительно беднее (рис. 80). Всего на площади 28 кв. м найдено 64 артефакта из камня. Наибольшее количество каменных артефактов найдено в траншее 3. Отсюда происходит 29 предметов из кремня, включая скребок, скребок с носиком, отщеп с ретушью и следами

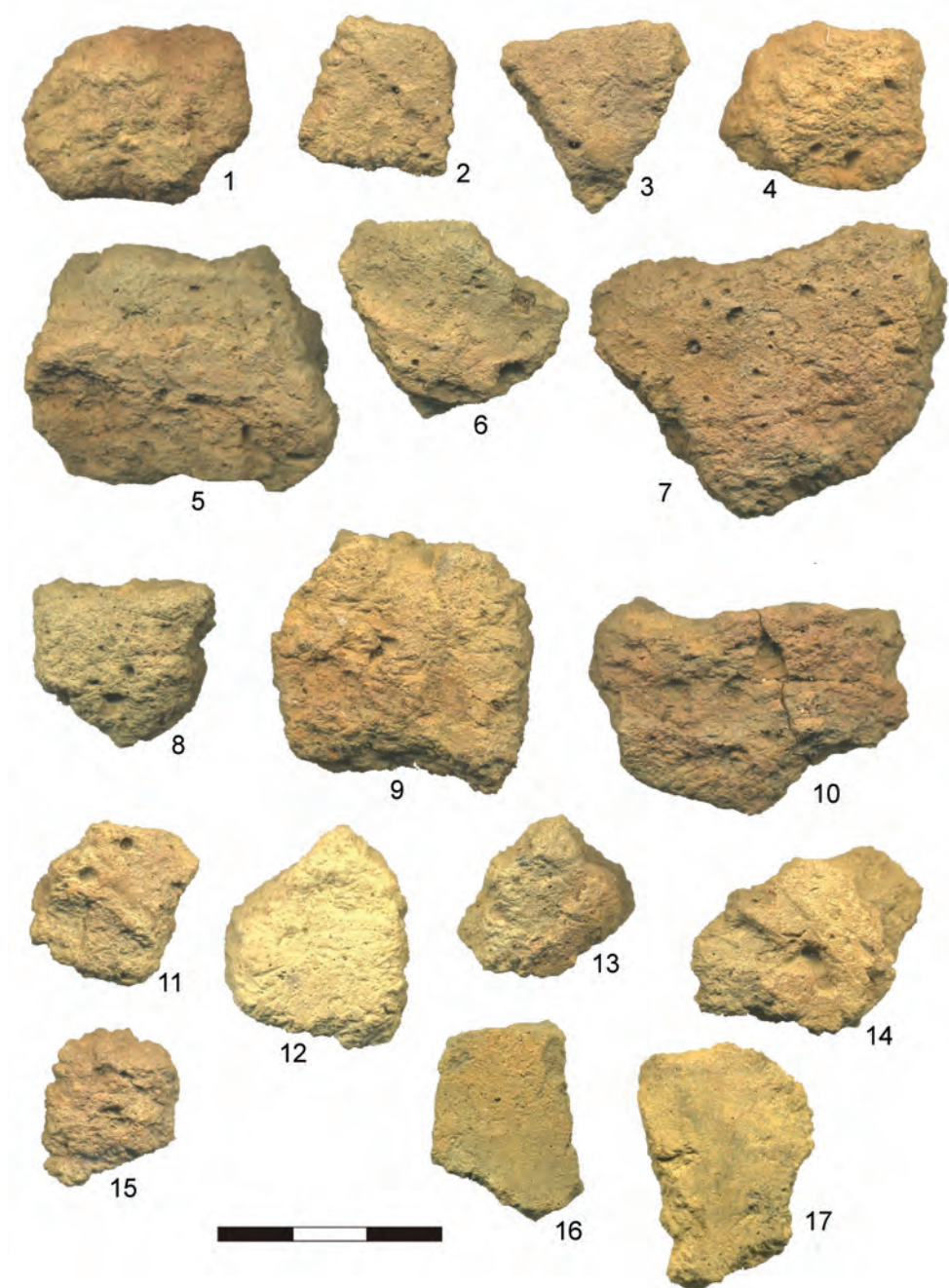

Рис. 79. Россонь 9. Шнуровая керамика, условные сосуды 3 (1–15) и 4 (16–17)

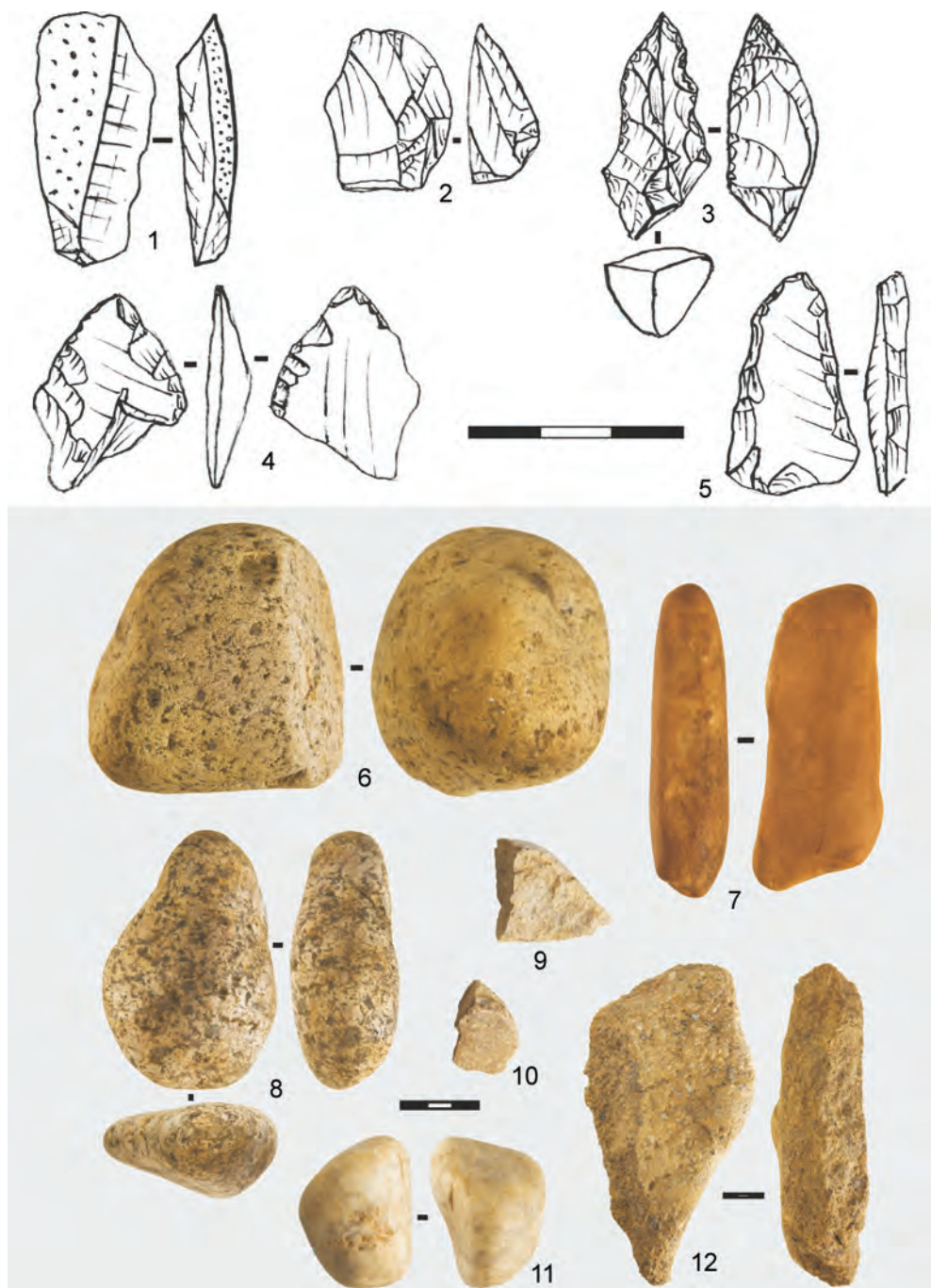

Рис. 80. Россонь 9. Каменный инвентарь: 1 — кварцевая пластинка с ретушью; 2-5 — фрагменты кремнёвых орудий; 6, 8, 11 — отбойники; 7 — шлифовальная плитка из песчаника; 9-10, 12 — кварцитовые отщепы

утилизации, фрагмент бифасиального наконечника со следами пребывания в огне и 25 чешуек, сколов и обломков. Кроме того, здесь найден обломок шлифовальной плитки из песчаника и кварцевый дебитаж.

Вероятнее всего, артефакты из кремня относятся к комплексу гребенчато-ямочной керамики, датируемой в пределах VI тыс. до н.э. (гребенчато-ямочная керамика с органической примесью — второй половиной VI тыс. до н.э.). Скудность каменного инвентаря — характерная черта комплексов со шнуровой керамикой восточной части побережья Балтийского моря, использование кремнёвого и кварцевого сырья фиксируется достаточно редко (см., например: [Kriiska 2000; Kriiska, Nordqvist 2007: 35; Nordqvist, Håkälä 2014; Paavel et al. 2016: 53]). На памятниках с гребенчато-ямочной керамикой, напротив, кремнёвый инвентарь представлен в значительном количестве (см., например: [Jaanits et al. 1982: lk. 70, 86]).

К комплексу КШК, вероятно, относится фрагмент сверлёного топора, происходящий из находок на поверхности памятника. Фрагменты сверлёных топоров найдены на других поселениях КШК восточной части побережья Балтийского моря [Jaanits et al. 1982: lk. 105; Loze 2000: 140].

Представленный анализ стратиграфии, планиграфии и археологического материала с памятника Россонь 9 позволяет предположить, что выделенные первоначально на памятнике три основных скопления находок подъёмного материала — Россонь 9 А–С, вероятно, действительно представляют участки стоянки, функционировавшие в разное время и содержащие разнокультурные материалы.

Наибольшее количество фрагментов гребенчато-ямочной керамики с минеральной и органической примесью, как и основная часть кремнёвого инвентаря, происходит из траншеи 3 на южной периферии участка Россонь 9А, граничащего с участком Россонь 9В, где находки с поверхности преимущественно представлены материалами культуры гребенчато-ямочной керамики. Северная часть памятника (участок Россонь 9С), судя по составу подъёмного материала, предположительно, также представляет остатки стоянки культуры гребенчато-ямочной керамики.

Траншеями 1 и 4, по-видимому, вскрыта центральная часть площадки стоянки КШК, где материалы культуры гребенчато-ямочной керамики представлены единичными фрагментами. Вероятно, артефакты, полученные с этой площади, можно рассматривать как гомогенные с точки зрения культурной принадлежности.

Возраст комплекса КШК с памятника Россонь 9 может быть определён в весьма широких пределах. Единственная полученная к настоящему времени радиоуглеродная датировка 3120–2890 лет до н.э. (4369±65, SPb 2019(2020); рис. 81) весьма уязвима для критики. Она получена из двух образцов угля, отобранных в разных частях структуры F2. Отдельно каждого из образцов было недостаточно для датирования сцинтилляционным методом, и они были

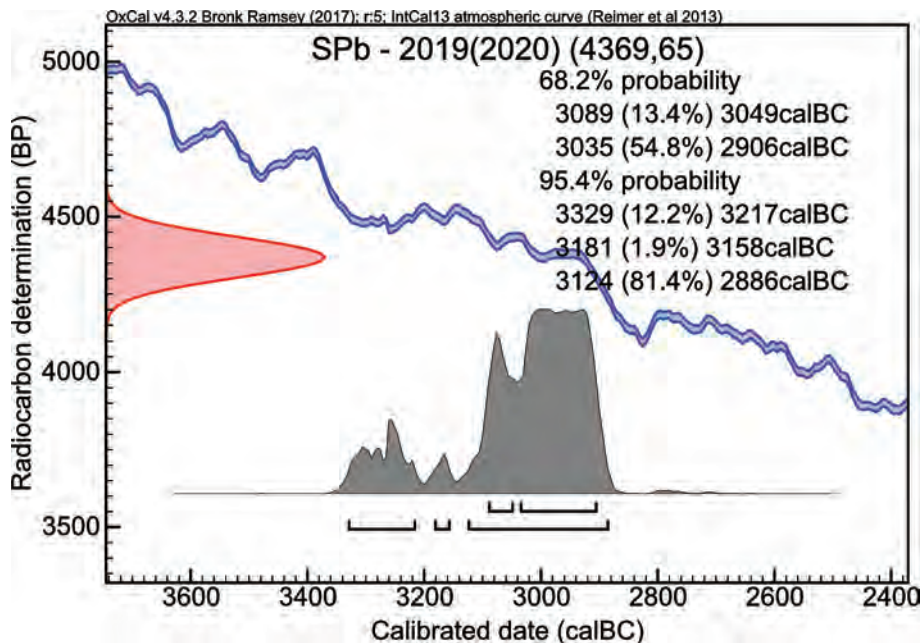

Рис. 81. Результат калибровки радиоуглеродной даты с памятника Россошь 9

объединены. Сама дата получилась достаточно «компактной», но относится к более раннему времени, чем наиболее ранние датировки материалов КШК в регионе (в целом материалы КШК в регионе датируются в пределах 2800–2000 лет до н.э. [Kriiska et al. 2016: 105; Nordqvist 2016: 60, 61]. Соответствие полученной датировки археологическому контексту, таким образом, весьма сомнительно.

Отчётливые типологические характеристики отдельных этапов внутри периода развития КШК в регионе пока детально не разработаны, но появление эстонского варианта шнуровой керамики, видимо, произошло сравнительно быстро [Крийска и др. 2017: 558]. На основании типологии комплекс КШК памятника Россошь 9 может быть датирован весьма широко в пределах III тыс. до н.э.

Приведённые планиграфические и стратиграфические наблюдения стоянки Россошь 9 позволяют предположить, что ее функционирование, связанное с КШК, происходило в течение нескольких эпизодов обитания, разделённых неопределёнными временными промежутками. Вероятно, поселение КШК на данном участке могло существовать длительное время, возможно даже, на протяжении нескольких столетий.

Куровицкая палеокоза

Первая стоянка у юго-западного края Куровицкого плато — Куровицы 1 — была открыта под руководством С.Н. Лисицына в 2006 г. В 2014 г. коллегами —